

Специальные лагеря НКВД в годы Великой Отечественной войны

А. Л. КУЗЬМИНЫХ – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент

В статье рассмотрена история создания и деятельности специальных лагерей НКВД, выполнявших функцию фильтрации советских военнослужащих и гражданских лиц, прошедших через неприятельский плен или окружение. На основе архивных документов показаны особенности режима и охраны, продовольственного снабжения и медицинского обслуживания, трудового использования и идеологической обработки бывших окруженцев и военнопленных. Автором сделан вывод о том, что параллельно с функцией спецпроверки данные лагеря выполняли роль поставщиков рабочей силы для советской военной экономики, испытывавшей острую нехватку кадров. Лишение свободы и привлечение к принудительному труду, по сути, означали превращение бывших окруженцев и военнопленных в одну из категорий пенитенциарного контингента, что наглядно демонстрирует передача спецлагерей в систему ГУЛАГа. При этом труд узников спецлагерей рассматривался как способ искупления вины за пребывание в плену и оккупации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; специальные лагеря НКВД; проверка; фильтрация; принудительный труд.

5.6.1 – Отечественная история.

Для цитирования: Кузьминых А. Л. Специальные лагеря НКВД в годы Великой Отечественной войны. *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 2021, № 1 (1), с. 22–32.

Special camps of the NKVD during the Great Patriotic War

A. L. KUZMINYKH – Professor of the Department of Philosophy and History of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doc. Sci. (History), Associate Professor

The article examines the history of the creation and operation of special camps of the NKVD, which performed the function of filtering soviet military personnel and civilians who passed through enemy captivity or encirclement. On the basis of archival documents the features of the regime and security, food supply and medical care, labor use and ideological processing of former encircled people and prisoners of war are shown. The author concluded that, in parallel with the function of a special check, these camps played the role of suppliers of labor for the soviet military economy, which was experiencing an acute shortage of personnel. Imprisonment and forced labor, in fact, meant the transformation of the former encircled people and prisoners of war into one of the categories of the penitentiary contingent, which is clearly demonstrated by the transfer of special camps to the GULAG system. At the same time the labor of prisoners of special camps was considered as a way of atonement for being in captivity and occupation.

Key words: the Great Patriotic War; special camps of the NKVD; check; filtration; forced labor

5.6.1 – Domestic history.

For citation: Kuzminykh A. L. Special camps of the NKVD during the Great Patriotic War. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, no. 1 (1), pp. 22–32.

Одним из малоизученных и дискуссионных вопросов истории Великой Отечественной войны является деятельность специальных лагерей НКВД, осуществлявших проверку военнослужащих и гражданских лиц, находившихся во вражеском плену или окружении. Процедура прохождения фильтрации, проводившаяся органами госбезопасности, стала предметом изучения только в постсоветский период, когда был снят гриф секретности с данного комплекса документов. Различные аспекты спецпроверки (фильтрации) исследованы А. В. Латышевым, В. К. Лужеренко, А. Б. Суловым, В. С. Христофоровым и рядом других авторов¹. В данной статье на основе рассекреченных документов центральных и региональных архивов рассмотрен процесс формирования и функционирования системы специальных лагерей НКВД в период Великой Отечественной войны.

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия, собрав колоссальную армию вторжения общей численностью 5,5 млн чел., вероломно обрушилась на Советский Союз. К октябрю 1941 г. немецко-фашистские войска оккупировали Прибалтику, Украину, Белоруссию, блокировали Ленинград и вышли на подступы к Москве. Обороняясь от превосходящих сил противника, части Красной армии отступали, теряя в ожесточенных боях личный состав, вооружение и технику. Значительные силы оказались в окружении и были пленены. Только в котлах под Белостоком и Минском в немецкий плен попали 323 тыс. советских военнослужащих, под Уманью – 103 тыс. чел., под Смоленском и Рославлем – 348 тыс. чел., под Киевом – 665 тыс. чел., под Керчью – 100 тыс. чел., под Брянском и Вязьмой – 662 тыс. чел. Всего к концу 1941 г. немецкие войска взяли в плен, по разным данным, от 2,5 до 3,3 млн красноармейцев².

Пленение в первые месяцы войны огромного числа советских солдат и командиров, а затем их частичное освобождение в ходе наступательных операций Красной армии в конце 1941 – начале 1942 гг. привели к необходимости создания специальных фильтрационных лагерей. На основании постановления Государственного комитета обороны СССР № 1069сс от 27.12.1941 и приказа НКВД СССР № 001735 от 28.12.1941 «в целях выявления изменников Родине, шпионов и диверсантов среди военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника» были сформированы четыре спецлагеря: Грязовецкий, Южский, Тамбов-

ский и Ново-Анненский³. В первом квартале 1942 г. их количество увеличилось до 26⁴. Еще один спецлагерь был сформирован в третьем квартале 1942 г. Таким образом, всего в 1942 г. были развернуты 27 спецлагерей.

Мероприятия по приему, содержанию и оперативно-чекистскому обслуживанию бывших военнопленных и окруженцев носили межведомственный характер. В армейских тыловых районах были развернуты сборно-пересыльные пункты, откуда бывших красноармейцев направляли в спецлагеря НКВД. Транспортировка контингента от сборно-пересыльных пунктов до спецлагерей возлагалась на Управление военных сообщений РККА, организация и функционирование спецлагерей – на Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, обеспечение спецлагерей продовольствием и обмундированием – на Народный комиссариат обороны. Охрана спецлагерей и конвоирование спецконтингента осуществлялись конвойными войсками НКВД СССР.

Комплектование кадрового состава специальных лагерей производилось путем мобилизации сотрудников из системы ГУЛАГа, призыва через местные военкоматы военнообязанных старших возрастов или ограниченно годных к военной службе, а также приема по вольному найму. Офицерский состав подбирался через отделы кадров НКВД и НКО⁵.

В 1942 г. в связи с сокращением поступления спецконтингента и завершением фильтрационных мероприятий были расформированы 20 спецлагерей. В итоге на начало 1943 г. в распоряжении НКВД СССР оставались 7 спецлагерей. Активные наступательные действия Красной армии зимой 1942–1943 гг. вызвали новый приток бывших окруженцев и военнопленных, для размещения которых в 1943 г. было дополнительно развернуто 13 спецлагерей⁶.

По мере освобождения от немецко-фашистских оккупантов республик и областей СССР органы НКВД проводили мероприятия по выявлению среди населения ранее оккупированных территорий лиц, сотрудничавших с врагом. На основании совместной директивы НКВД/НКГБ № 494/94 от 11.10.1943 направлению в спецлагеря подлежали бывшие полицейские, жандармы, старосты и другие пособники немецких оккупационных властей. Данная категория спецконтингента подлежала изоляции в отдельных лагерных отделениях с усиленным режимом⁷.

На 1 января 1944 г. действовали 14 спецлагерей, рассчитанных на 95 100 мест. К этому времени численность личного состава спецлагерей составляла 3627 чел. (87,9 % от штатной положенности). Руководящий состав спецлагерей был укомплектован на 97 %⁸.

После завершения фильтрации контингента специальные лагеря, как правило, перефилировались в лагеря для содержания иностранных военнопленных. Так, в июне 1942 г. на базе Череповецкого спецлагеря был создан лагерь-распределитель для военнопленных № 158, обслуживавший Карельский и Волховский фронты. Грязовецкий спецлагерь в марте 1943 г. был перефилирован в лагерь для содержания военнопленных офицеров противника⁹.

Режим содержания спецконтингента регламентировала Временная инструкция о порядке содержания в специальных лагерях НКВД бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и в окружении противника, введенная в действие приказом

НКВД СССР № 0087 от 13.01.1942. Территория спецлагерей обносилась забором из колючей проволоки, контингенту запрещались выход из зоны, переписка и свидания с родственниками. При этом бывшие красноармейцы сохраняли право на ношение формы, знаков различия и отличия¹⁰.

Поддерживать порядок и дисциплину среди спецконтингента было непросто. В директиве УПВИ НКВД СССР № 28/1/5363 от 04.04.1943 внимание руководства спецлагерей обращалось на нарушение правил внутреннего распорядка, рост побегов проверяемых, фактов их общения с местным населением. Под угрозой предания виновных суду военного трибунала предписывалось прекратить «творящиеся в лагерях безобразия» и искоренить «безответственное отношение отдельных начальников лагерей к охране и режиму содержания спецконтингента»¹¹.

Наиболее типичным нарушением режима в спецлагерях являлись побеги¹², о чем наглядно свидетельствует табл. 1.

Таблица 1

Побеги из спецлагерей НКВД в марте–мае 1943 г.

Месяцы	Всего побегов	Из них:		Количество бежавших	Из них:		
		групповых	одиночных		задержано	убито	в бегах
Март	16	2	14	18	9	–	9
Апрель	32	7	25	46	12	2	32
Май	95	20	75	124	24	1	99
Всего	143	29	114	188	45	3	140

Данные таблицы показывают, что с наступлением теплой погоды количество одиночных и групповых побегов из спецлагерей увеличивалось. Обращает на себя внимание рост численности незадержанных и находящихся в бегах лиц. В целом в 1943 г. из спецлагерей бежали 635 чел., из них было задержано или убито 170 чел. При этом 103 побега были совершены по вине вахтерского состава, 82 – конвойных войск, 48 – охраны хозорганов, 25 побегов совершены расконвоированными, 4 – лицами, находившимися в увольнении или командировке, по остальным 68 побегам данные отсутствуют¹³.

Характерна формулировка из донесения руководства лагеря № 261: «За последнее время особенно участились побеги с сельскохозяйственных работ, потому что спецконтингенты работают почти без охраны, а поэтому отдельные лица, пользуясь таким случаем, уходят домой к своим родным»¹⁴. С целью предупреждения побегов в 1943 г. на прилегающих к лагерям территориях из чис-

ла местного населения были сформированы 298 групп содействия общей численностью 1362 чел.¹⁵

Жилой фонд спецлагерей, как правило, был представлен помещениями барачного типа. К примеру, в Грязовецком спецлагере военнослужащие, проходившие проверку, размещались в двухэтажном кирпичном корпусе бывшего монастыря, четырех деревянных бараках, а также брезентовых палатках, которыми компенсировалась нехватка жилой площади. В Череповецком спецлагере контингент был расселен в каркасно-засыпные и земляные бараки, в которых ранее размещались заключенные. Представители среднего и старшего начальствующего состава располагались на нарах вагонного типа, рядовые и младшие командиры – на сплошных нарах¹⁶.

В 1944 г. восемь спецлагерей (на 67 200 чел.) имели барачный жилой фонд, четыре (на 16 900 чел.) – каменный, два (на 11 тыс. чел.) – земляночный. К этому времени все

жилые помещения, отведенные под общежития, были оборудованы двухъярусными нарами сплошного или вагонного типа; норма жилой площади на человека составляла в среднем 2 кв. м, что соответствовало нормативам НКВД. Лагерные городки имели необходимые подсобные, хозяйственные и административные помещения.

Пребывание в окружении и плену негативно сказывалось на физическом состоянии бывших красноармейцев. Многие из них прибывали в лагеря истощенными и зашивленными, нередко без шинелей и головных уборов, в рваной обуви, что способствовало росту заболеваемости. Самыми распространенными заболеваниями являлись грипп, ангина, пневмония, тиф, фурункулез, чесотка. К примеру, только в Череповецком спецлагере в первом квартале 1942 г. было выявлено 77 случаев сыпного тифа¹⁷. В 1943–1944 гг. в спецлагерях имели место 49 случаев этой опасной болезни¹⁸.

Для предупреждения инфекционных заболеваний проводились карантинные мероприятия, профилактические прививки, регулярные медосмотры. Повышенное внимание уделялось санобработке контингента. Нательное и постельное белье обрабатывалось термическим способом в дезкамерах. Лечебная сеть в спецлагерях включала 56 амбулаторий, 46 лазаретов и изоляторов, 9 зубных кабинетов, 3 лаборатории. В большинстве своем лазареты были оборудованы железными кроватями, реже – нарами. Больные были обеспечены постельными принадлежностями, нательным бельем и медикаментами. В случае необходимости пациенты направлялись для лечения и диагностики в военные госпитали или гражданские больницы¹⁹.

Несмотря на усилия медицинских работников, в лагерях имела место смертность. С января 1942 г. по март 1944 г. в спецлагерях умерли 1799 чел. (0,6 % от общего числа спецконтингента). Причинами смертности являлись: туберкулез – 25 %, воспаление легких – 23 %, производственный травматизм – 18 %, дистрофия и авитаминозы – 16 %, сердечные заболевания – 7 %, прочие заболевания – 11 %²⁰. Высокий процент смертности от туберкулеза и пневмонии объяснялся снижением сопротивляемости организма из-за перенесенных лишений во время нахождения в неприятельском плену или окружении, а также сложностью лечения данных заболеваний.

Другой проблемой организации жизнеобеспечения спецлагерей являлось

снабжение продуктами питания и вещевым довольствием. В директиве Наркомата обороны СССР № 29/4739 от 31.03.1942 отмечалось, что военные советы округов (фронтов) и начальники управлений НКО не уделяют достаточного внимания вопросам материального обеспечения спецлагерей. В результате имели место систематические перебои в снабжении и отсутствовали нормальные бытовые условия для размещения спецконтингента. В связи с этим предписывалось назначить ответственных лиц за жилищно-коммунальное и бытовое обеспечение лагерей, обследовать их совместно с представителями НКВД с целью установления необходимых мероприятий по улучшению бытовых условий бывших военнослужащих «без значительных материальных затрат для государства»²¹.

Продовольственное снабжение военнослужащих, проходивших фильтрацию, напрямую зависело от состояния их здоровья и трудоспособности. Неработающие лица питались по основной норме (2100–2400 ккал), занятые на тяжелых физических работах получали повышенный рацион (от 3000 до 3300 ккал). Основная норма питания включала 600–700 г хлеба, 10 г муки, 100 г крупы, 10 г макарон, 75 г мяса, 100 г рыбы, 20 г сала, 20 г масла, 20 г сахара, 320 г овощей, 600 г картофеля, а также чай, соль, томат-пасту, лавровый лист, перец, уксус и горчичный порошок. Горячая пища выдавалась два раза в день. Кроме того, хозорганы, использовавшие труд спецконтингента, выделяли дополнительные продукты. В некоторых лагерях были открыты ларьки для продажи предметов ширпотреба.

Спецлагеря снабжались продовольствием с ближайших окружных фронтовых продовольственных складов. Для обеспечения контингента сельскохозяйственной продукцией предлагалось через местные органы власти оформить земельные участки для обустройства подсобных хозяйств, а затем произвести посев зерновых культур, овощей и корнеплодов «в количествах, удовлетворяющих текущую потребность лагерей». С целью сокращения расхода государственных средств на снабжение контингента в спецлагерях формировались рыболовецкие команды²².

В 1943 г. подсобные хозяйства имелись в семи лагерях; общая посевная площадь составляла 727 га, в том числе 252 га картофеля и 134 га других овощей. В 1944 г. каждый лагерь имел свое подсобное хозяйство; общая посевная площадь увеличилась

до 3268 га, в том числе 1496 га картофеля и 848 га других овощей²³.

В условиях дефицита материальных ресурсов выдача одежды и обуви контингенту производилась в случае отсутствия или полной непригодности обмундирования. Для этого окружные и фронтовые интенданты выделяли спецлагерям обмундирование третьей категории, то есть бывшее в употреблении и требовавшее ремонта, в том числе ватные куртки или телогрейки, хлопчатобумажные шаровары, головные уборы, ботинки с обмотками, портянки и т. п. При отсутствии на складах одежды и обуви воинского образца разрешалась выдача «предметов обмундирования гражданского покроя»²⁴.

Постельное белье отпускалось старшему и высшему начальствующему составу по одному комплекту, младшему начальствующему и рядовому составу – по две тюфячных наволочки на 3 чел., одно одеяло, одна верхняя подушечная наволочка, одна нижняя подушечная наволочка на человека. Для пошива и ремонта обмундирования в лагерях создавались ремонтные мастерские.

В соответствии с решениями Государственного комитета обороны бывшие военнослужащие использовались главным образом в угольной промышленности, на восстановлении разрушенных и строительстве новых предприятий²⁵. Трудовое использование контингента осуществлялось в соответствии с установленной в ходе медицинского комиссования категорией трудоспособности. Продолжительность рабочего дня составляла восемь часов при четырех выходных днях в месяц. При этом на некоторых предприятиях оборонного значения рабочий день достигал 10–11 часов. Бывшие военнослужащие получали 50 % от заработанных ими сумм, остальные 50 % шли на возмещение расходов по их содержанию. В случае производственной необходимости лица, прошедшие проверку, оставались в лагерях и использовались на работе на оборонных предприятиях.

В 1942 г. производственный профиль имели четыре лагеря, которые выделяли рабочую силу на восстановление шахт и добычу угля в Подмосковном угольном бассейне и комбинату «Ростовуголь», на строительство железной дороги Камышин – Иловая, а также заводу № 460 Наркомата боеприпасов в г. Подольске.

В 1943 г. на производство выводилось 84 % контингента. Для характеристики состояния трудового фонда приведем данные по Подмосковному лагерю № 283. На

22 сентября 1943 г. в лагере содержалось 21 442 чел., в том числе: группа «А» (работающие) – 17 479 (81,6 % к списочному составу), группа «Б» (лагерная обслуга) – 1325 (6,2 %), группа «В» (больные, временно освобожденные) – 1335 (6,2 %), группа «Г» (гауптвахта и прочее) – 159 (0,7 %), неработающие инвалиды – 758 (3,5 %), неработающий средний и высший начсостав – 386 (1,8 %)²⁶.

Более половины от общей численности контингента спецлагерей было занято в угольной промышленности, в том числе в Подмосковном, Кизеловском и Донецком угольных бассейнах. Около тысячи человек работали на добыче угля на Крайнем Севере – в Воркутинском ИТЛ. Треть контингента использовалась в строительстве: на работах по восстановлению промышленных предприятий, разрушенных немецкими оккупантами (Сталинградском и Харьковском тракторных заводах, Сталиногорском химкомбинате и т. п.), на строительстве новых предприятий (бромного завода в Славгороде в Алтайском крае и реконструкции содового завода в Березниках Молотовской области).

Часть бывших военнослужащих использовалась на заводах по производству боеприпасов и вооружений. Так, на заводе № 88 Наркомата вооружения они составляли 39,2 % рабочей силы, на заводе № 460 – 50,6 %²⁷. К примеру, в отчетной документации по трудовому использованию спецконтингента лагеря № 0201 НКВД, обслуживавшего рабочей силой завод № 711 Наркомата минометного вооружения, отмечалось, что в основных цехах (литейных, механических по обработке корпуса мин и электросварке крылышек стабилизаторов) удельный вес рабочей силы из числа спецконтингента составлял 48 %. При этом на основных профессиях и по ведущим операциям в литейных цехах удельный вес спецконтингента был еще выше – 60–70 %. По решению пленума заводского комитета 143 рабочим из числа лагерников были выданы грамоты «Отличник военного времени»²⁸. За труд спецконтингента на предприятиях хозорганов в 1943 г. было получено свыше 135 млн руб., которые поступили в доход государства²⁹.

В процессе производства большинство бывших военнослужащих приобрели новые профессии и квалификации: кузнец, слесарь, строитель, токарь, шахтер и т. п. Помимо выделения рабочей силы хозорганам часть контингента использовалась на внутрилагерных работах: изготовлении хозяй-

ственного инвентаря, заготовке дров, пошиве и ремонте одежды и обуви, в подсобных хозяйствах.

Данные по выполнению норм выработки спецконтингентом в 1943–1944 гг.³⁰ представлены в табл. 2.

Таблица 2

Выполнение норм выработки контингентом спецлагерей в 1943–1944 гг.

Процент выполнения норм выработки	1943 г.	1944 г.
До 50 %	11,0 %	9,6 %
От 50 до 80 %	17,6 %	16,7 %
От 80 до 100 %	22,5 %	24,6 %
От 101 до 125 %	33,3 %	29,8 %
От 126 до 150 %	10,4 %	12,4 %
Свыше 150 %	5,2 %	6,9 %

Данные таблицы свидетельствуют о том, что около половины бывших военнослужащих выполняли и перевыполняли нормы выработки. При этом производительность труда выросла с 96,4 % в 1943 г. до 107,3 % в июне 1944 г., а выработка на один человекодень – с 19 руб. 97 коп. до 22 руб. 60 коп. соответственно³¹.

В 1944 г. было организовано социалистическое соревнование спецлагерей НКВД, направленное на увеличение угледобычи и производства боеприпасов и вооружений. Одновременно было учреждено переходящее Красное знамя для лучшего производственного коллектива из спецлагерей. Среди бывших военнослужащих имелись настоящие ударники и стахановцы. Так, за-

бойщик Остроухов 6 октября 1943 г. выполнил производственную норму на 800 % за смену³². Благодаря использованию труда спецконтингента ряд предприятий завоевали первые места во Всесоюзном социалистическом соревновании.

На 1 марта 1944 г. на объекты хозорганов выводилось 69 744 чел., из них использовались: в угольной промышленности – 43 146 чел., в строительной – 17 447 чел., на производстве боеприпасов – 3066 чел., производстве вооружения – 2251 чел., добыче бокситов – 2438 чел., на разных работах – 1396 чел.³³ Данные по численности контингента спецлагерей НКВД на 1 марта 1944 г.³⁴ представлены в табл. 3.

Таблица 3

Численность контингента спецлагерей НКВД, занятого на производстве и строительстве, на 1 марта 1944 г.

Сфера производства или строительства, предприятие и обслуживавший его спецлагерь	Количество спецконтингента (чел.)
1	2
Угледобыча, шахтное и жилищное строительство в угольных бассейнах	
Комбинат «Москвауголь» (Угольный лагерь № 283)	11 003
Трест «Сталиногоркшахтострой» (Угольный лагерь № 283)	1659
Трест «Мосбаспромжилстрой» (Угольный лагерь № 283)	757
ОМСЧ «Метростроя» (Угольный лагерь № 283)	989
Комбинат «Тулауголь» (Тульский лагерь № 0308)	5367
ОСМЧ-1 Наркомстроя (Угольный лагерь № 283)	976
Комбинат «Сталиноуголь» (Петровский лагерь № 240)	11 651
Комбинат «Ростовуголь» (Шахтинский лагерь № 048)	6891
Трест «Молотовуголь» (Березниковский лагерь № 0302)	7401
Воркутлаг НКВД	923
Итого	47 617
Производство вооружений	
Завод № 221 в Сталинграде (лагерь № 0108 в Сталинграде)	1184
Завод № 88 в Подлипках (Подлипкинский лагерь № 0303)	1546

1	2
Завод № 172 в Молотове (Березниковский лагерь № 0302)	705
Итого	3435
Производство боеприпасов	
Завод № 460 в Подольске (Подольский лагерь № 174)	1192
Завод № 711 в Люберцах (Люберецкий лагерь № 0201)	1874
Итого	3066
Строительство химической промышленности	
Сталиногорский химкомбинат (Угольный лагерь № 283)	3233
Содовый завод № 761 в Березниках (Березниковский лагерь № 0302)	1359
Бромный завод в Славгороде (Славгородский лагерь № 0301)	641
Итого	5233
Строительство и восстановление автотракторной и танковой промышленности	
Восстановление Сталинградского тракторного завода (лагерь № 108 в Сталинграде)	2451
Восстановление Харьковского тракторного завода	2423
Итого	4874
Котлостроение	
Завод «Красный котельщик» в Подольске (Подольский лагерь № 174)	550
Фанерное производство для авиации	
Соликамский НКВД (Кизеловский лагерь № 241)	645
Строительство предприятий черной металлургии	
Тагилстрой НКВД (Тагильский лагерь № 153)	168
Добыча руды для цветной металлургии	
Северо-Уральские бокситовые рудники (Северо-Уральский лагерь № 0305)	2438
Восстановление гидроэлектростанций	
Сталиногорская ГРЭС Московской области (Угольный лагерь № 283)	1000
Каменская ГРЭС (организуется новое отделение на 1500 чел.)	–
Итого	1000
Восстановление паровозостроительных заводов	
Организован новый лагерь в Бедице на 5000 чел.	–
Жилищное строительство	
Строительство дома хозяйственного управления НКВД в Москве (Подольский лагерь № 174)	488
Строительство жилого поселка Наркомата обороны в Звенигороде (Подольский лагерь № 174)	169
Итого	657
Сельскохозяйственные работы	
Управление военного снабжения НКВД (Подольский лагерь № 174)	201
Всего	69 884

Со спецконтингентом проводилась политическая работа, направленная на укрепление воинской дисциплины, поднятие морального настроения, борьбу с аморальными поступками, выполнение производственных планов. Другой задачей политработы было

оказание практической помощи органам НКВД и Смерш в выявлении вражеской агентуры и нацистских пособников. В основу политработы был положен тезис И. В. Сталина о том, что «иностранный разведка будет засылать в нашу страну шпионов, убийц, вре-

дителей», поэтому нужно «помнить об этом и укреплять нашу социалистическую разведку, систематически помогая ей громить и корчевать врагов народа»³⁵.

В план политзанятий включались следующие темы: «Военная присяга на верность народу», «Боевой приказ – закон», «Нечестность – преступление перед Родиной», «Герои Красной армии – образец выполнения священного долга перед Родиной». Для проведения пропагандистской работы формировались коллективы и бригады агитаторов. Характерным в настроении бывших военнослужащих было стремление как можно скорее вернуться в действующую армию.

Методы и формы политработы были разнообразными. Так, в спецлагере № 283 в 1943 г. было проведено 219 собраний, 119 митингов, 157 производственных совещаний, 1250 политбесед, 2442 политинформации, 8269 коллективных чтений газет, 146 вечеров самодеятельности, 215 докладов, 943 киносеанса, подготовлено 334 стенгазеты³⁶.

Другим важным направлением работы со спецконтингентом были оперативные мероприятия, проводимые сотрудниками особых отделений лагерей. На каждого проверяемого заполнялась анкета установленного образца, уточнялись биографические данные. Среди бывших военнослужащих работали осведомители и агенты, которые по заданию оперативных работников изучали контингент, выявляя лиц, сотрудничавших с врагом, и сотрудников немецкой разведки. Параллельно с этим проводились допросы бывших военнослужащих, в ходе которых им задавались вопросы о поведении в плену или на оккупированной территории. Полученные показания проверялись и сопоставлялись между собой, после чего военнослужащие освобождались из лагерей и направлялись в местные райвоенкоматы. Подозреваемых в предательстве и измене подвергали аресту, а дела на них направляли на рассмотрение военных трибуналов или Особого совещания НКВД СССР³⁷.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют говорить о том, что большинство военнослужащих успешно проходили фильтрацию. К примеру, за период деятельности Череповецкого спецлагеря через его бараки прошли 5653 чел., из них были переданы в районный военкомат 4077 чел. (72,1 %), арестованы – 358 (6,3 %), умерли – 29 (0,5 %), бежали – 4 (0,1 %), переданы в Грязовецкий спецлагерь – 1152 (20,4 %), оставлены в лагере для выполнения хозяйственных работ – 33 (0,6 %)³⁸. Ана-

логичным образом обстояла ситуация в Грязовецком спецлагере. На 31 марта 1942 г. в нем содержались 3992 военнослужащих, из них прошли фильтрацию 3827 чел. (95,8 %), 62 чел. (1,6 %) были арестованы, 3765 чел. (98,4 %) переданы райвоенкомату³⁹.

В целом на 1 июля 1944 г. в спецлагеря поступило 375 368 военнослужащих Красной армии, побывавших в плену или окружении, в том числе в 1942 г. – 172 081 чел. (45,8 %), в 1943 г. – 127 628 чел. (34,0 %), в первом полугодии 1944 г. – 75 659 чел. (20,2 %), из них: бывших военнослужащих, находившихся в плену или окружении противника, – 328 365 чел. (87,5 %), полицейских, старост и других пособников оккупационных властей – 25 571 чел. (6,8 %), гражданских лиц призывного возраста, находившихся на территории, занятой противником, – 21 432 чел. (5,7 %). За этот же период из спецлагерей убыло 283 789 чел. По результатам спецпроверки были переданы райвоенкоматам для последующего направления в Красную армию 233 887 чел. (62,3 % от общего контингента спецлагерей), на формирование штурмовых батальонов – 12 808 (3,4 %), в постоянные кадры оборонной промышленности – 20 284 (5,4 %), арестованы и осуждены – 11 658 (3,1 %). Таким образом, большинство красноармейцев благополучно проходили спецпроверку⁴⁰.

На 1 июля 1944 г. в спецлагерях содержалось 91 579 чел., среди них: 49 368 бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и в окружении противника, в том числе 4654 офицера; 24 374 полицейских, старост и других пособников оккупационных властей; 17 837 гражданских лиц призывного возраста, находившихся на территории, занятой противником⁴¹.

19 июля 1944 г. вышел приказ НКВД № 0149 «О передаче спецлагерей в ведение ГУЛАГа НКВД», выведивший спецлагеря из подчинения УПВИ НКВД. Заместителем начальника ГУЛАГа по спецлагерям НКВД был назначен полковник государственной безопасности Г. М. Грановский, ранее работавший начальником отдела учета и распределения заключенных ГУЛАГа. Однако в качестве подразделения ГУЛАГа отдел спецлагерей просуществовал недолго. 28 августа 1944 г. приказом № 001063 на его базе был образован отдел спецлагерей НКВД СССР, в ведение которого входила организация проверки и содержания возвращавшихся из плена советских граждан. Начальником отдела был назначен бывший заместитель начальника УНКВД по Москов-

ской области полковник государственной безопасности Н. И. Шитиков.

Приказом НКВД СССР № 00100 от 20.02.1945 спецлагеря были переименованы в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ), а отдел спецлагерей НКВД СССР – в отдел проверочно-фильтрационных лагерей (ОПФЛ НКВД СССР) во главе с комиссаром государственной безопасности Н. И. Шитиковым. 22 января 1946 г. ОПФЛ НКВД СССР был расформирован, а его функции переданы ГУЛАГу. В составе последнего Управление ПФЛ просуществовало до 1947 г.⁴²

Всего, по оценке А. В. Латышева, с января 1942 г. по 1 марта 1946 г. в специальные и проверочно-фильтрационные лагеря было направлено 652 тыс. чел. При этом, как отмечает исследователь, система фильтрации не сводилась исключительно к специальным и проверочно-фильтрационным лагерям и осуществлялась органами НКВД-НКГБ и контрразведки Смерш в гораздо более широких организационных рамках⁴³. К примеру, за период с 1 мая 1945 г. по 1 февраля 1946 г. фронтовыми и армейскими сборными пересыльными пунктами после процедуры проверки на постоянное место жительства было направлено 2 026 778 репатриированных советских граждан, в том числе 767 776 мужчин, 972 557 женщин и 286 445 детей⁴⁴.

В послевоенный период проверочно-фильтрационные мероприятия продолжались. При этом наибольшее внимание уделялось выявлению советских военнослужащих и гражданских лиц, служивших в вооруженных силах противника, карательных или разведывательных органах, оккупационной администрации. В соответствии с постановлением СНК СССР № 2678–735с от 22.10.1945 бывшие офицеры Красной армии, находившиеся в плену и служившие в немецких строевых формированиях, лишались офицерского звания и подлежали направлению на спецпоселение⁴⁵.

МВД СССР директивой № 97 от 20.04.1946 предписало завершить проверку репатри-

антов, служивших в немецких формированиях, и оформление их перевода на спецпоселение к 1 июля 1946 г. Данной категории лиц следовало объявить, что они за службу в немецкой армии переводятся на спецпоселение сроком на 6 лет и временно остаются на работах с зачетом срока спецпоселения с момента вынесения постановления о переводе на спецпоселение. При этом им разъяснялось, что «за измену Родине они должны нести более суровое наказание, но в связи с Победой над Германией, Советское правительство по отношению к ним сделало снисхождение, ограничившись переводом на спецпоселение»⁴⁶. За отказ от работы, нарушение лагерного режима спецпоселенцев предписывалось привлекать к уголовной ответственности и предавать суду военного трибунала.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в период Великой Отечественной войны система мест заключения НКВД пополнилась специальными лагерями, на которые была возложена задача по фильтрации военнослужащих и гражданских лиц, побывавших во вражеском плену или окружении. Параллельно с функцией спецпроверки данные лагеря выполняли роль поставщиков рабочей силы для советской военной экономики, испытывавшей острую нехватку кадров. Это наглядно демонстрирует практика закрепления лиц, прошедших спецпроверку, за предприятиями, на которых они работали, а также направления на спецпоселение, как правило, в угледобывающие районы страны лиц, в отношении которых был доказан факт их сотрудничества с врагом.

Лишение свободы и привлечение к принудительному труду, по сути, означали превращение бывших окруженцев и военнопленных в одну из категорий пенитенциарного контингента, что наглядно демонстрирует передача спецлагерей в систему ГУЛАГа. При этом труд узников спецлагерей рассматривался как способ искупления вины за пребывание в плену и оккупации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Латышев А. В. Система проверки военнослужащих Красной Армии, вернувшихся из плена и окружения: 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2017; Лужеренко В. К. После плена // Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга четвертая. Народ и война. М., 1999. С. 188–194; Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области, 1929–1953 гг. М., 2010; Христофоров В. С. Органы государственной безопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011; Кузьминых А. Л., Старостин С. И. Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника // Рос. история. 2010. № 3. С. 48–53.

² См.: Штрайт К. Они нам не товарищи: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009. С. 87; Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. Екатеринбург, 1997. С. 167.

³ См.: Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области (далее – Архив УМВД России по ВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 415. Л. 274–276; Коначов В. Б., Акиньев Г. А., Судаков В. В. На стыке

фронта и тыла : материалы к вуз. спецкурсу и школьн. факультативу «Вологодская область в годы Великой Отечественной войны». Вологда, 1999. С. 31–34.

⁴ См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. / отв. ред. и сост. Н. В. Петров ; отв. сост. Н. И. Владимирцев. М., 2004. Т. 2. Карательная система: структура и кадры. С. 215–216.

⁵ См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 123–124.

⁶ См.: Там же. Л. 119.

⁷ См.: Там же. Л. 119–120.

⁸ См.: Там же. Л. 123.

⁹ См.: Кузьминых А. Л., Старостин С. И., Сычев А. Б. «Теперь я прибыл на край света...» : в 2 т. Вологда, 2009. Т. 1: Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных Вологодской области (1939–1949) : очерки и документы. С. 51, 310.

¹⁰ См.: Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 431. Л. 12, 31; Бичехвост А. Ф. К истории создания и функционирования специальных лагерей для советских военнопленных // История пенитенциарной системы России в XX веке : сб. материалов междунар. науч. семинара. Вологда, 2007. С. 68.

¹¹ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 1382. Л. 13–14.

¹² См.: Там же. Л. 30.

¹³ См.: Там же. Л. 43.

¹⁴ См.: Там же. Л. 44.

¹⁵ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 128.

¹⁶ См.: Там же. Л. 4.

¹⁷ См.: Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Вологодской области (далее – Архив УФСБ РФ по ВО). Ф. 3пх. Оп. 26. Д. 4. Л. 132.

¹⁸ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 125.

¹⁹ См.: Там же. Л. 126.

²⁰ См.: Там же. Л. 142.

²¹ См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 1382. Л. 1.

²² См.: Там же. Л. 2.

²³ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 128.

²⁴ См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 1382. Л. 2.

²⁵ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 151.

²⁶ См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1204. Л. 42–42об.

²⁷ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 131–133.

²⁸ См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1204. Л. 55.

²⁹ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 134–135.

³⁰ См.: Там же. Л. 151.

³¹ См.: Там же.

³² См.: Там же. Л. 139.

³³ См.: Там же. Л. 135.

³⁴ См.: Там же. Л. 147–149.

³⁵ См.: Там же. Л. 136.

³⁶ См.: Там же. Л. 139.

³⁷ См.: Кузьминых А. Л., Старостин С. И. Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника.

³⁸ См.: Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 1пх. Оп. 5. П. 2. Д. 70. Л. 151.

³⁹ См.: Там же. Ф. 3пх. Оп. 26. Д. 4. Л. 55.

⁴⁰ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 150.

⁴¹ См.: Там же. Л. 152.

⁴² См.: Бичехвост А. Ф. К истории создания и функционирования специальных лагерей для советских военнопленных; Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 463. Д. 130–130об.; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская ; под ред. М. М. Загорулько. М., 2000. С. 122–123.

⁴³ См.: Латышев А. В. Система проверки военнослужащих Красной Армии, вернувшихся из плена и окружения: 1941–1945 гг. С. 16.

⁴⁴ См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1225. Л. 23–25.

⁴⁵ См.: Там же. Л. 58.

⁴⁶ См.: Там же. Д. 1226. Л. 42.

ENDNOTES

¹ See: Latyshev A.V. *Sistema proverki voennosluzhashchikh Krasnoi Armii, vernuvshikhsya iz plena i okruzheniya: 1941–1945 gg.: avto-ref. dis. ... kand. ist. nauk* [The system for checking Red Army servicemen who returned from captivity and encirclement: 1941–1945: Candidate of Sciences (History) dissertation abstract]. Moscow, 2017; Luzherenko V.K. After captivity. In: *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Voenna-istoricheskie ocherki. Kniga chetvertaya. Narod i voina* [The Great Patriotic War. 1941–1945. Military-historical essays. Book four. The people and the war]. Moscow, 1999. Pp. 188–194; Suslov A.V. *Spetskontingent v Permskoi oblasti, 1929–1953 gg.* [Prisoners in the Perm Oblast, 1929–1953]. Moscow, 2010; Khristoforov V.S. *Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v 1941–1945 gg.* [State security bodies of the USSR in 1941–1945]. Moscow, 2011; Kuz'minykh A.L., Starostin S.I. Special camps for former servicemen of the Red Army who had been in captivity and surrounded by the enemy. *Ros. istoriya=Russian History*, 2010, no. 3, pp. 48–53. (In Russ.).

² See: Shtrait K. *Oni nam ne tovarishchi: Vermakht i sovetskie voennoplennyye v 1941–1945 gg.* [They are not our comrades: The Wehrmacht and Soviet prisoners of war in 1941–1945]. Moscow, 2009. P. 87; Smykalin A.S. *Kolonii i tyur'my v sovetskoj Rossii* [Colonies and prisons in Soviet Russia]. Yekaterinburg, 1997. P. 167.

³ See: *Arkhiv Upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossijskoi Federatsii po Vologodskoi oblasti (dalee – Arkhiv UMVD Rossii po VO)* [Archive of the Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Vologda Oblast (hereinafter – Archive of the UMVD of Russia for the VO)]. F. 6. Op. 1. D. 415. L. 274–276; Konasov V.B., Akin'khov G.A., Sudakov V.V. *Na styke fronta i tyła: materialy k vuz. spetskursu i shkol'n. fakul'tativu "Vologodskaya oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny"* [At the junction of the front and rear: materials for the university special course and school elective course "Vologda Oblast during the Great Patriotic War"]. Vologda, 1999. Pp. 31–34.

- ⁴ See: Petrov N.V. (Ed.). *Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: sobr. dok.: v 7 t. T. 2. Karatel'naya sistema: struktura i kadry* [The History of the Stalinist Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s: collection of documents: in 7 vols. Vol. 2. Penal system: structure and personnel]. Moscow, 2004. Pp. 215–216.
- ⁵ See: *Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (dalee – RGVA)* [Russian State Military Archive (hereinafter – RSMA)]. F. 1p. Op. 23a. D. 2. L. 123–124.
- ⁶ See: *Ibidem.* L. 119.
- ⁷ See: *Ibidem.* L. 119–120.
- ⁸ See: *Ibidem.* L. 123.
- ⁹ See: Kuz'minykh A.L., Starostin S.I., Sychev A.B. "Teper' ya pribyl na krai sveta...": v 2 t. T. 1: *Iz istorii uchrezhdenii dlya sodержaniya inostrannykh voennoplennykh i internirovannykh Vologodskoi oblasti (1939–1949): ocherki i dokumenty* ["Now I arrived at the edge of the world...": in 2 vols. Vol. 1: From the history of institutions for the detention of foreign prisoners of war and internees of the Vologda Oblast (1939–1949): essays and documents.]. Vologda, 2009. Pp. 51, 310.
- ¹⁰ See: *Arkhiv UMVD Rossii po VO* [Archive of the UMVD of Russia for the VO]. F. 6. Op. 1. D. 431. L. 12, 31; Bichekhvost A.F. Revisiting the history of the establishment and functioning of special camps for Soviet prisoners of war. In: *Istoriya penitentsiarnoi sistemy Rossii v XX veke: sb. materialov mezhdunar. nauch. seminarov* [History of the penitentiary system of Russia in the twentieth century: proceedings of the international research workshop]. Vologda, 2007. P. 68. (In Russ.).
- ¹¹ See: *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (dalee – GARF)* [State archive of the Russian Federation (hereinafter – SARF)]. F. 9414. Op. 1a. D. 1382. L. 13–14.
- ¹² See: *Ibidem.* L. 30.
- ¹³ See: *Ibidem.* L. 43.
- ¹⁴ See: *Ibidem.* L. 44.
- ¹⁵ See: *RGVA* [RSMA]. F. 1p. Op. 23a. D. 2. L. 128.
- ¹⁶ See: *Ibidem.* L. 4.
- ¹⁷ See: *Arkhiv Upravleniya Federal'noi sluzhby bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii po Vologodskoi oblasti (dalee – Arkhiv UFSB RF po VO)* [Archive of the Directorate of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast (hereinafter – Archive of the UFSB RF in the VO)]. F. 3pkh. Op. 26. D. 4. L. 132.
- ¹⁸ See: *RGVA* [RSMA]. F. 1p. Op. 23a. D. 2. L. 125.
- ¹⁹ See: *Ibidem.* L. 126.
- ²⁰ See: *Ibidem.* L. 142.
- ²¹ See: *GARF* [SARF]. F. 9414. Op. 1a. D. 1382. L. 1.
- ²² See: *Ibidem.* L. 2.
- ²³ See: *RGVA* [RSMA]. F. 1p. Op. 23a. D. 2. L. 128.
- ²⁴ See: *GARF* [SARF]. F. 9414. Op. 1a. D. 1382. L. 2.
- ²⁵ See: *RGVA* [RSMA]. F. 1p. Op. 23a. D. 2. L. 151.
- ²⁶ See: *GARF* [SARF]. F. 9414. Op. 1. D. 1204. L. 42–42ob.
- ²⁷ See: *RGVA* [RSMA]. F. 1p. Op. 23a. D. 2. L. 131–133.
- ²⁸ See: *GARF* [SARF]. F. 9414. Op. 1. D. 1204. L. 55.
- ²⁹ See: *RGVA* [RSMA]. F. 1p. Op. 23a. D. 2. L. 134–135.
- ³⁰ See: *Ibidem.* L. 151.
- ³¹ See: *Ibidem.*
- ³² See: *Ibidem.* L. 139.
- ³³ See: *Ibidem.* L. 135.
- ³⁴ See: *Ibidem.* L. 147–149.
- ³⁵ See: *Ibidem.* L. 136.
- ³⁶ See: *Ibidem.* L. 139.
- ³⁷ See: Kuz'minykh A.L., Starostin S.I. *Special camps for former servicemen of the Red Army who had been in captivity and surrounded by the enemy.*
- ³⁸ See: *Arkhiv UFSB RF po VO*. F. 1pkh. Op. 5. P. 2. D. 70. L. 151.
- ³⁹ See: *Ibidem.* F. 3pkh. Op. 26. D. 4. L. 55.
- ⁴⁰ See: *RGVA* [RSMA]. F. 1p. Op. 23a. D. 2. L. 150.
- ⁴¹ See: *Ibidem.* L. 152.
- ⁴² See: Bichekhvost A.F. *Revisiting the history of the establishment and functioning of special camps for Soviet prisoners of war; Arkhiv UMVD Rossii po VO* [Archive of the UMVD of Russia for the VO]. F. 6. Op. 1. D. 463. D. 130–130ob.; Zagorul'ko M.M. (Ed.). *Voennoplennyye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy* [Prisoners of war in the USSR. 1939–1956. Documents and materials]. Compiled by M.M. Zagorul'ko, S.G. Sidorov, T.V. Tsarevskaya. Moscow, 2000. Pp. 122–123.
- ⁴³ See: Latyshev A.V. *Sistema proverki voennosluzhashchikh Krasnoi Armii, vernuvshikhsya iz plena i okruzheniya: 1941–1945 gg.* [The system for checking Red Army servicemen who returned from captivity and encirclement: 1941–1945]. P. 16.
- ⁴⁴ See: *GARF* [SARF]. F. 9414. Op. 1. D. 1225. L. 23–25.
- ⁴⁵ See: *Ibidem.* L. 58.
- ⁴⁶ See: *Ibidem.* D. 1226. L. 42.